

Кто зрѣлъ ее, тотъ умиралъ.
И слухъ въ угрюмой полуночи
Бродилъ, что, будто какъ металлъ,
Язвили голубыя очи,
И только скалды лишь могли
Смотрѣть на дѣву издали.
Они платили пѣсноуѣнемъ
За пламенный восторга часть,
И, пробужденъ нѣмымъ видѣнемъ,
Быль строень ихъ невятный гласъ.

Еъ другу.

Взлелѣянный на лонѣ вдохновенія,
Съ дѣятельной и пылкою душой,
И не пѣнень небесной красотой;
Но я ищу земнаго упоенья.
Любовь пройдетъ, какъ тѣнь пустаго сна.
Не буду я счастливымъ близъ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, другъ, узнать не долженъ кто она.
Навѣкъ мы съ ней разлучены судьбою.
Я побѣдить жестокость не умѣлъ,
Но я ношу отказъ и месть съ собою;
Но я въ любви моей закоренѣлъ.
Такъ воръ сѣдой загложивъ дубравы
Не кается еще въ своихъ грѣхахъ;
Еще онъ, путниковъ, сосѣдей страхъ,
И милъ ему товарищъ, ножъ кровавый!..
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самаго отъ самой колыбели
Игралище и рока, и страстей,
Къ одной святой, неизъяснимой цѣли.
И я къ высокому, въ порывѣ думъ живыхъ,
И я душой летѣлъ во дни былые;
Но мнѣ милѣй страданія земныя—
И къ нимъ привыкъ и не оставлю ихъ!..

1830.

Портретъ.

Взгляни на этотъ ликъ: искусствомъ онъ
Небрежно на холстѣ изображенъ,
Какъ отголосокъ мысли не земной,
Не вовсе мертвый, не совсѣмъ живой.
Холодный взоръ не видитъ, но глядитъ
И всякаго, не правясь, удивитъ;
Въ устахъ нѣтъ словъ, но быть они должны:
Для словъ уста такіа рождены;
Смотри: лицо какъ будто отошло
Отъ полотна, и блѣдное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что намъ извѣстно: не гроза страстей
Ему дала болѣзненный тотъ цвѣтъ,
И что въ груди сей чувствъ и сердца нѣтъ.
О Боже, сколько я видалъ людей,
Ничтожныхъ—предъ картиною моею,
Душа которыхъ менѣ жила,
Чѣмъ обшачетъ видъ сего чела.

Настанетъ день—и міромъ осужденный,
Чужой въ родномъ краю,
На мѣстѣ казни—гордый, хоть презрѣнный—
Я кончу жизнь мою;
Виновный предъ людьми, не предъ тобою,
Я твердо жду тотъ часъ.
Что смерть? Лишь ты не измѣнишь душою—
Смерть не разрознитъ насъ.

Иная есть страна, гдѣ предразсудки
Любви не охлаждаютъ;
Гдѣ не отниметъ счастья изъ шутки,
Какъ здѣсь, у брата братъ.
Когда же вѣсть кровавая примчится
О гибели моей,
И, какъ побѣдѣ, станутъ веселиться
Толпы другихъ людей..
Тогда... молю!.. одиноко слезою
Почти холодный прахъ
Того, кто часто, съ скрытою тоскою,
Искалъ въ твоихъ очахъ
Блаженства юныхъ лѣтъ и сожалѣнья;
Кто предъ тобою открылъ
Таинственную душу и мученья,
Которыхъ жертвой былъ.
Но если... если надъ моимъ позоромъ
Смѣяться станешь ты
И возмущишь неправеднымъ укоромъ
и рѣчью клеветы
Обиженную тѣнь... не жди пощады:
Какъ чернь къ душѣ твоей
Я прилѣпился, и каждый мигъ отрады
Несносенъ будетъ ей,
И будешь помнить прежнюю безпечность,
Не зная воскресить,
И будетъ жизнь тебѣ долга, какъ вѣчность,
А все не будешь жить.

К. Д.

Будь со мною, какъ прежде бывала,
О, скажи мнѣ хоть слово одно,
Чтобъ душа въ этомъ словѣ сыскала,
Что хотѣлось ей слышать давно!
Если искра надежды хранится
Въ моемъ сердцѣ—оно оживетъ,
Если можетъ слеза появиться
На глазахъ—то она упадетъ.
Есть слова, объяснить не могу я,
Отчего у нихъ власть надо мною;
Ихъ услышавъ, опять оживу я,
Но отъ нихъ не воскреснетъ другой.
О, повѣрь мнѣ, холодное слово
Уста оскверняетъ твои,
Какъ листки у цвѣтка молодого
Ядовитое жало змѣи!

Нѣси я.

Желтый листъ о стебель бѣгетъ
Передъ бурей;